

28. НГАБ. – Ф. 2548. – Воп. 1. – Спр. 90. – Договоры со смоленским живописцем Г. Москалёвым от 26.08.1840 г. о росписи иконостасов в Параскевской и от 01.01.1849 г. - в Николаевской монастырских церквях. – 1840-1849. – 3 арк.
29. НГАБ. – Ф. 2548. – Воп. 1. – Спр. 103. – Акт от 4 октября 1842 г. об освидетельствовании перестроенной параскевской церкви монастыря. – 2 арк.
30. Флікоп-Світа, Г.А. Беларускі іканапіс XVI – першай паловы XX ст.: альбом / Г.А. Флікоп-Світа; навук. рэд. Б.А. Лазука. – Мінск: Беларуская навука, 2019. – 365 с.: іл.
31. НГАБ. – Ф. 2548. – Воп. 1. – Спр. 165. – Контракт со смоленским мещанином живописцем Г.И. Москалёвым на иконописные работы для Никольской церкви при монастыре. – 1849. – 4 арк.
32. НГАБ. – Ф. 2548. – Воп. 1. – Спр. 483. – Дело по жалобе художника П. Зыкова за неуплату ему денег архимандритом маркова монастыря в Витебске за проведённые работы. – 1890 – 1891 гг. – 34 арк.
33. НГАБ. – Ф. 2694. – Воп. 1. – Спр. 650. – Клировая ведомость Полоцкого Спасо-Ефросиньевского монастыря за 1864 г. и описи имущества келий и иконостаса Витебского троицкого Маркова монастыря за 1912 г. – 1912. – 37 арк.

Пералік скарачэнняў

Воп. – вопіс

Д. – дело

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

НГАБ – Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі

НГМ РБ – Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь

Оп. – опись

Спр. – справа

Ф. – фонд

**ICONOSTASIS OF TEMPLES OF MARKOV MONASTERY IN 17th – 19th CENTURIES:
PROGRAM, MASTERS, STYLISTIC ANALOGUES**

H. FLIKOP-SVITA

The Orthodox monastery in Markaushchyna near Vitsebsk included several temples, the most important of which was the Church of Holy Trinity, where from the end of 17th to the beginning of the 20th century there was a five-tier iconostasis – a fine example of the Belarusian Baroque iconostasis. This artifact, captured in the pictures, has repeatedly attracted the attention of specialists, but the iconostasis of other temples of Markov Monastery, which were later fashioned, have never been the object of special study. Meanwhile, the study of their stylistics and story structure gives an idea of the artistic evolution and development of the altar barrier of Belarus in general and the city of Vitsebsk for privacy. In this article, on the basis of archival materials, the scientific reconstruction of the iconostasis program in the monastery churches of Holy Trinity, St. Peter and Paul, The Intercession, St. Paraskevi, St. Nicholas and lateral appendages.

Key words: iconostasis, Markau manastery, Vitsebsk, church interior.

УДК 398.1

**ПРЕДАНИЯ СЕБЕЖСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)****Юрчук Л.А.**

Российская Федерация, Псков

В статье представлены итоги изучения преданий Себежского края, собранных в ходе фольклорных экспедиций Псковского государственного университета 1978 – 2011 гг. и сосредоточенных в фондах фольклорного архива университета. В ходе проведённого исследования выявлены циклы себежских преданий (среди них в материалах фольклорного архива ПсковГУ количественно преобладают предания о заселении и освоении края, предания об исторических лицах и о силачах), определены ведущие мотивы преданий, в том числе топонимические мотивы, репрезентирующие физическое пространство окружающего мира. В статье отмечена специфика современного состояния жанра преданий в Себежском крае: сокращение традиционного фонда, доминирование конкретно-исторического подхода к действительности, забвение рассказчиками исторической основы сюжета, их сомнения в достоверности передаваемой устно информации, редукция сюжетов.

Ключевые слова: предания, предания и заселении и освоении края, топонимические предания, мотив, фольклорный текст

Себеж, впервые упомянутый польским хронистом Матвеем Стрыйковским в летописи под 1414 г. как пригород Псковской республики, разоренный польским князем Витовтом, на протяжении всего средневековья был краем приграничных междоусобиц. Он принадлежал Великому княжеству Литовскому, с 1535 г. входил в состав России, с 1579 г. – в состав Речи Посполитой. Окончательно к России Себеж отошел лишь в 1772 г., получив статус уездного центра Полоцкой провинции Псковской губернии, с 1778 г. – уездного города Полоцкого наместничества. С 1796 г. он находился в составе Белорусской губернии, в 1924 г. вновь вошел в состав Псковской губернии, при этом в 1924 г. «в некоторых сельских местностях доля белорусов достигала 80%. <...> Однако тесные контакты с живущим там же русским населением привели к быстрой ассимиляции белорусов, смене их этнического самосознания. В результате почти всё население южных районов Псковской области стало считать себя русским» [1, с. 135]. Согласно данным переписи 2002 г., русские составляют почти 93 % жителей Себежского района.

В 1984 и 1986 гг. в Себежском районе работали фольклорные экспедиции Санкт-Петербургского Фольклорно-этнографического центра, в ходе которых было обследовано одиннадцать волостей и зафиксировано 2953 текста. Изучение собранных материалов показало, что устная народная культура Себежского края обнаруживает свою принадлежность к более широкой стилевой зоне южно-псковских районов, при этом как отличительная черта местной народной традиции учеными отмечена «хорошая сохранность ее основных элементов – не только в памяти носителей традиции, но и в современной бытовой и обрядовой практике», в которой к тому же отмечается концентрация архаических элементов [2, с. 505]. Вкупе с богатой историей края всё это провоцирует интерес к содержанию и форме местных преданий – жанра, который современная наука определяет как «широко известные в народе устные эпические рассказы с установкой на правдоподобное объяснение реальных фактов прошлой истории, быта, названий отдельных местностей» [3, с. 7], своей исторической основой, этнографическими и географическими реалиями «связанные с социально-общественной жизнью и историей определенной, локально и социально ограниченной общности (род, соседская община, деревня, город, профессиональное объединение), представленной на той или иной стадии общественного развития» [4, с. 3]. Однако системное изучение себежских преданий на данный момент не проводилось, и даже в опубликованной по результатам работы Фольклорно-этнографического центра двухтомник «Народная традиционная культура Псковской области» (Псков, 2002) предания Себежского района не вошли.

В фольклорном архиве Псковского государственного университета, наиболее ранние материалы которого датируются 1977 г., нами обнаружено 48 текстов преданий, записанных в Себежском районе в период с 1978 по 2011 гг. При этом 42 из них записаны фольклорной экспедицией филологического факультета 2011 года, которая впервые, помимо прочего, использовала в работе составленный нами вопросник, нацеленный на сбор произведений данного жанра. Экспедиция собрала материал в 26 населенных пунктах семи волостей и муниципальных объединений (Бояриновской, Красной, Лавровской, Максютинской, Мостищенской волостей, муниципальных объединений «Идрица» и «Себежское»).

Таким образом, в нашем распоряжении находятся позднейшие записи себежских преданий, в целом отражающие стадию угасания фольклорной традиции. Тесные связи современной деревни с городом и всеобщая грамотность являются причиной того, что предания перестали быть основным источником информации по истории края, вследствие чего появилось критическое, недоверчивое отношение к их содержанию. Рассказчики нередко сами выражают сомнение в правдивости полученной ими устно информации: «*Вот такая легенда! <...> А шут их зная, ти правда, ти не. Что говорить люди, то и я вам говорю. А вы уж хотите верить, а хотите не, мне всё равно!*» (Зап. от Глафиры Ивановны Пименовы, д. Грошево, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. И. Киселева. 2001 г. // ФА ПсковГУ, 2001 г., т. 1/1627, л. 8–8 об.). «Живому» преданию, содержание которого во всех элементах должно ощущаться как истина, подобные ремарки противопоказаны.

В подтверждение передаваемых слушателю сведений современные рассказчики ссылаются не только на «предание» («*то рассказам*», «*говорят*», «*как предание гласит*», «*в эту легенду все верят*») и рассказы стариков («*это ещё мне вот старухи, старухи, старухи, старухи рассказывали*», «*как говорили предки*»), но и на данные книжных источников, что дополнительно свидетельствует о постепенном угасании жанра, утрате его самобытного характера. Так, В. П. Пухов, 1942 г. р., житель д. Дорбыши, объясняет название деревни Кицково обстоятельствами военной победы над поляками, ссылаясь на мнение учителя местной школы, искавшего ответ на данный вопрос в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Примечательно при этом, что рассказ В. П. Пухова содержит достаточно распространенный в жанре предания (о популярности данного мотива в устной народной исторической прозе пишет, например, В. К. Соколова [5, с. 36–37]) и весьма выразительный мотив потери врагом при бегстве шапки, передающий поспешность действия: «*<...> тут побили поляков, и они побросали свои шапки, которые называли кички*» (Зап. от Василия Павловича Пухова, 1942 г. р., д. Дорбыши, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Д. И. Екимова, О. В. Осипова. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 5, № 33, диск СЕБ 2011-5-7). Вероятно, в данном случае можно говорить о явлении вторичной фольклоризации – о возвращении в практику живого бытования, записанного когда-то на себежской земле сюжета, забытого уже местными жителями.

Сокращение традиционного фонда преданий – прямое следствие изменения отношения к фольклору в целом. Характеризуя современное состояние жанра, В. К. Соколова отмечает: «Сокращается не только число сюжетов и мотивов, но и объем отдельных преданий. Нередко в ответ на расспросы собирателей рассказчики припоминают только основные моменты сюжета, передают как бы его схему, из которой зачастую выпадают отдельные звенья; иногда же в памяти сохраняется только один эпизод, какая-то деталь, смысл которой не ясен самому информатору» [6, с. 430]. Подобных примеров в материалах фольклорного архива немало. Так, сюжет о происхождении названия деревни Кицково в исполнении В. Н. Фролович, 1922 г. р., жителя д. Гвозды, редуцируется до упоминания отдельной детали: «*Кицково – так вот какая-то кичка, шапки какие-то носили, кички мужуки. Тоже вот Кицково*» (Зап. от Василия Николаевича Фроловича, 1922 г. р., д. Гвозды, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Д. И. Екимова, О. В. Осипова. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 5, № 5, диск СЕБ 2011-5-2).

Подобной же редукции подвергся и сюжет предания о князе Витовте, который исходно включал в себя мотив происхождения особенностей ландшафта, связанного с деятельностью исторического лица, что проявляло в литовском князе черты демиурга. Две записи 2011 г. содержат развернутую версию сюжета:

«Поляки, видимо, проходили, потому что коло Идрицы там Витов ключ называется. Это когда литовцы отступали, негде было попить от жажды. Он говорит: "Сейчас будет вода". Мечом ударил, и вода забила. И посейчас там, коло Юрицы.

<Собиратели: Кто это так ударил мечом?> Витов ключ. Князь Витовик. И посейчас там воды полно. А кругом гора. Рядом с дорогой. Кругом гора, песок, а ключ полный всегда воды» (Зап. от Николая Григорьевича Сухоплетова, 1941 г. р., д. Дорбыши Себежский р-н Псковская обл. Соб. Д. И. Екимова, О. В. Осипова. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 5, № 31, диск СЕБ 2011-5-6). Вариант того же сюжета записан от Надежды Петровны Белокурочкиной, 1939 г. р., в п. Идрица Себежский р-н, Псковская обл. (Соб. Л. А. Казакова (Юрчук), У. И. Ловыгина. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 163, диск СЕБ 2011-1-42). Реалистическую версию данного предания в литературной обработке содержит книга В. Ф. Васильева «Легенды и предания Себежского края» (Псков, 1992) [7, с. 38].

Иные материалы экспедиции 2011 г. свидетельствуют о том, что жители поселка затрудняются объяснить происхождение ключа. При этом если Н. П. Белокурочкина, 1939 г. р., рассказывает, что «*Витов ключ <...> литовский, то ли польский*» (Зап. от Нины Петровны Белокурочкиной, 1939 г. р., п. Идрица, Себежский р-н Псковская обл. Соб. Л. А. Казакова (Юрчук), У. И. Ловы-

гина. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 163, диск СЕБ 2011-1-42), то С. Ф. Филимонов, 1929 г. р., и В. Я. Филимонова, 1929 г. р., уже не связывают его возникновение с пребыванием в себежском крае внешнего врага; показательна и трансформация топонима в их рассказе: «*Витов ключ*» они заменяют поддающимся интерпретации «*Витый ключ*» (Зап. от Сергея Федоровича Филимонова, 1929 г. р., Валентины Яковлевны Филимоновой, 1929 г. р., п. Идрица Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Л. А. Казакова (Юрчук), У. И. Ловыгина. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 201, диск СЕБ 2011-1-45).

В себежских преданиях фольклорного архива ПсковГУ, являющих собой поздний слой устной народной исторической прозы, доминирует конкретно-исторический подход к действительности, маркированный обилием исторических, этнографических, локальных реалий. Однако этот слой основывается на многовековой традиции, которая и обуславливает характер отражения различных аспектов социально-общественной жизни и истории края. Традиция, в первую очередь, обнаруживает себя в мотивах, которые, по словам ведущего современного исследователя жанра, Н. А. Криничной, «определяются структурой предания и сами ее определяют» [8, с. 11]. Предания, основанные на сходном сочетании мотивов при доминировании определенных из них, образуют циклы.

Наше исследование показало, что на Псковщине выделяются циклы преданий о заселении и освоении края, о кладах, о разбойниках, о силачах, о борьбе с внешними врагами и предания об исторических лицах [9]. Предания каждого из этих циклов были зафиксированы и в Себежском районе. При этом на себежской земле, как и в целом в Псковской области, в общем составе преданий количественно преобладают рассказы о заселении и освоении края. В них получили отражение процессы миграции на территории края, иногда обусловленные военными событиями прошлого, и прежде всего появление в конкретном месте новых поселенцев, которые нередко определяются по признаку этнической принадлежности (латыши, белорусы, поляки). Предания включают в себя мотивы основания селения или объекта культурного назначения внешними врагами, мотивы их пребывания в конкретной местности, ассимиляции бывших внешних врагов среди местного населения, оставления ими следов пребывания в конкретной местности, сопряженные, как правило, с топонимическими мотивами.

Такая совокупность мотивов неслучайна: с началом польской колонизации XV – XVII вв. на занятых ими себежских землях поляки создавали новые поселения, строили имения и костелы. Эти события отражаются в преданиях об основании или происхождении названий деревень Томсино, Костелище, Непоротовской волости, среди жителей которой встречаются потомки бывших «панцирных бояр», в преданиях о сооружении костела в деревне Зародище (для его возведения первоначально было выбрано место бывшего языческого капища), ставшего усадебным храмом известного польского рода графов Огинских (от их усадьбы, в начале XIX в. принадлежавшей Михаилу Клеофасу Огинскому, приближенному императора Александра I, сегодня осталась часть пейзажного парка).

С ростом поместного землевладения на Псковщине начался процесс сселения мелких деревень. Решающий перелом в деле перехода от индивидуального крестьянского хозяйства к общественному произошел в 1920 – 1930-е гг., когда, по мнению органов советской власти, хуторские хозяйства стали тормозить проведение коллективизации. Между тем в 1926 г. на их долю в Псковской области приходилось 29,3% всего крестьянского землевладения [10, с. 167]. Сложный процесс ликвидации хуторов и переселения крестьян в деревни также нашел отражение в преданиях. Так, например, от Евгении Игнатьевны Зарецкой, 1939 г. р., записан рассказ о переселении жителей соседних хуторов в д. Ржавки Максютинской вол. (ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 5, № 46, диск СЕБ 2011-5-9). Вместе с тем переселение деревни на новое место себежские предания нередко объясняют и поиском наиболее удобного для жительства места. Таково, например, предание, записанное от Светланы Борисовны Суворовой, 1972 г. р., в д. Сомино Себежского р-на Псковской обл. (Соб. У. И. Ловыгина, А. И. Бондарева. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 22, диск СЕБ 2011-1-21).

Достаточно широко представлены в данном цикле предания с топонимическим мотивом, что свидетельствует о неподдельном интересе, который жители края проявляли в отношении возможности истолкования топонимов, репрезентирующих физическое пространство окружающего их мира.

Наиболее частотная версия топонимического мотива – происхождение географического названия по случайному признаку (народная этимология). Почва для народной этимологии возникает, когда подлинная причина появления топонима оказывается забытой. В этом случае пытливый ум, нацеленный на объяснение реальных фактов, обращается к вымыслу. Поскольку же в основу народной этимологии могут быть положены ассоциации разных рядов, иногда это становится причиной появления многовариантности толкования топонима. Однако такие рассказы расцениваются местными жителями как правдоподобные, поскольку зачастую не лишены внешних признаков достоверности, когда, например, предание связывает возникновение географического названия с историческим лицом, пребывание которого в данной местности подтверждается фактами. Интересный пример такого рода содержит предание о происхождении топонима *Себеж*, связывающее строительство города с именем Петра I:

«Петр Первый строил город среди холмов, лесов. Люди возмутились, говорят: «Зачем ты здесь строишь?» А он говорит: "Себя ж строим!" Отсюда название – Сйбеж» (Зап. от Евдокии Савельевны Надушевич, 1898 г. р., д. Деришино, Невельский р-н, Псковская обл. Соб. М. Яковлева, Н. Васильева. 1987 г. // ФА ПсковГУ, 1987 г., т. 2/548, № 13а).

Очевидно, что упоминание о Петре I как основателе города – анахронизм. Однако известно, что Петр действительно был в Себеже: в 1705 г. он лично руководил здесь строительством укреплений, готовясь к сражению с армией шведского короля Карла XII. Содержащиеся в предании сведения имеют под собой историческую основу: они базируются на знании о многогранной деятельности царя-реформатора; возможно, в этом рассказе нашел своеобразное преломление и факт строительства Санкт-Петербурга – города, возникшего в непригодном, как казалось, для жительства месте. Данный пример демонстрирует, что вымысел в предании часто базируется на реалистической основе, благодаря которой историческая личность весьма узнаваема, а рассказ воспринимается как достоверный.

Иная версия происхождения топонима *Себеж* представлена в рассказе Г. И. Пименовой из д. Грошево:

«Вот знаете ли вы, чаво Себеж так зовётся? Ня знаете, нябось! Так вот что в легенде говорится: давно та были, приехавши был суды мужик, с им трое сыновьев. Стали яны землю делять: туму тот имат, етому другой, а мужик тот пальцум тыркнул в остров сряди озера и говорить: "Эту ж зямлю сябе возьму!" С той поры и назвали город Сябеж. Вот такая легенда!» (Зап. от Глафиры Ивановны Пименовой, д. Грошево, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. И. Киселева. 2001 г. // ФА ПсковГУ, 2001 г., т. 1/1627, л. 8–8 об.).

По мнению специалистов, название города появилось по расположению при озере Себеж. Гидроним же рассматривается как финно-угорский с элементом *-ж-* неясного происхождения [11, с. 228] либо как имеющий балтийское происхождение от корня *sabiez-* (латышское *sabiezet* – «густеть») [12, с. 117]. Однако народная этимология топонима в обеих версиях не противоречит лингвистическим закономерностям: в Толковом словаре В. И. Даля приводится слово «себежник» – «земля отдельная, не общая, лично чья-либо» [13, с. 169].

В преданиях, истолковывающих происхождение топонима на основе народной этимологии, доминирующей оказывается не информационная, а эстетическая функция текста. Цель рассказчика состоит не столько в том, чтобы дать верное истолкование, сколько в том, чтобы обыграть случайное созвучие. Как пишет А. И. Лазарев о подобных текстах, такое «предание является как бы расшифровкой народной шарады и возникает, таким образом, по чисто художественным соображениям» [14, с. 75–76].

Помимо указания на деятельность исторического лица, себежские предания связывают возникновение топонимов с какими-либо фактами в истории края (Непоротовская волость, д. Томсино), с именами (гора Левониша, д. Жеглово, железнодорожная станция Нащетино и др.), этнической принадлежностью или родом занятий местных жителей, с названиями культовых объектов или особенностями местности.

В отдельных случаях предания о заселении и освоении края содержат указания на время изображенного события: «*Деревня возникла в тот период, когда русское государство боролось с польско-литовскими захватчиками. Когда поляки во Псков или со Стефаном Баторием. Это где-то 1581 год*» (Зап. от Натальи Юрьевны Осиповой, 1947 г. р., д. Морозовка, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. С. Шалуднёва. 2003 г. // ФА ПсковГУ, 2003 г., т. 1/1630, № 1, кассета СЕБ 2003–1), однако чаще время события не оговаривается особо, либо текст содержит указание на давность произошедшего, отнесенного к неопределённому времени («*давно та было*», «*эта деревня появилась давно-давно, ещё когда-то, когда-то...*»).

Второй по количеству записей фольклорного архива цикл себежских преданий составляют предания об исторических лицах. Н. А. Криничная называет такие их «своеобразным итогом развития народной исторической прозы», поскольку «формирование образа исторической личности, явившееся следствием эволюции некоего древнего синкретического прообраза», является сравнительно поздним завоеванием фольклора [15, 193].

В цикле преданий об исторических лицах доминирующими являются мотивы пребывания исторических лиц в конкретной местности, оставления ими следов своего пребывания и хозяйственной деятельности владельцев местности. В их структуре важную роль играют географические и исторические реалии.

Круг изображённых в себежских преданиях исторических лиц достаточно широк: помимо литовского князя Витовта и Петра I это Екатерина II, которая решает судьбу «панцирных бояр» и которой приписывают также строительство крепости в Велье, это местные помещики и польские паны, основавшие свои имения на себежской земле. Согласно преданиям, в дд. Ашково, Зародище, Лойно, Радуня, Рысинки, Аннинское Себежского р-на сохраняются отдельные свидетельства существования в этих местах польских усадеб – захоронения, остатки культовых сооружений, домов, хозяйственных строений, аллей, пейзажных парков. В отдельных случаях такие повествования включают в себя мотивы взаимоотношений владельца местности с крестьянами, примеры проявления с его стороны заботы и сочувствия.

Предания данного цикла по большей части представляют собой краткие информационные. Сюжетные повествования встречаются среди них редко. Их герои характеризуются обычно с одной стороны: в Петре I подчеркивается его личная заинтересованность результатами начатого дела, в Екатерине II – активность и инициатива. В стремлении придать образам исторических лиц силу жизненной убедительности, рассказчики вводят в повествование реплики персонажей. Так, Петра I народное предание о происхождении топонима *Себеж* наделяет даром афористичного слова. Слушатель оценивает излагаемые рассказчиком события ретроспективно. С такой точки зрения «отгадчиком народной шарады», ответившим на вопрос о происхождении топонима, оказывается именно Петр, который «расшифровывает» смысл топонима, не поддающегося самостоятельному истолкованию слушателя, и эта расшифровка производит эффект каламбура, открывая в незнакомом привычное.

В целом же персонажи преданий об исторических лицах обнаруживают не столько индивидуально-конкретные черты, сколько принадлежность к некоему стереотипу образа, который в меняющихся социально-исторических условиях приобретает специфическое содержание, варьируясь в ограниченных традицией пределах.

Небольшим числом текстов представлен цикл преданий о силачах, включающий в себя совокупность мотивов, связанных с проявлением героем необычайной физической силы. Фольклористами установлена генетическая связь преданий данного цикла с преданиями о великанах и богатырях, с родоплеменными сказаниями о родоначальниках и основателях селений, выражавшими древние представления о мире и развитии человека [15, с. 118–1534 16, с. 114–180]. В отличие от великана и богатыря силач – «вполне реальный человек, который если и превосходит других по своим физическим параметрам, то все же не выходит (или недалеко выходит) за пределы реальных человеческих возможностей» [16, с. 178]. Такой персонаж (в себежских преданиях это кузнец, мельник, шахтер) изображается в реальной обстановке и на бытовом фоне, но при этом сохраняет некоторые черты, присущие его архаическим предшественникам.

Основным средством создания образа силача является гипербола, которая в древнейших произведениях устной народной исторической прозы служила задаче персонификации в одном человеке целой общности, а в поздних используется для характеристики исключительного по своим физическим возможностям жителя конкретной местности.

Наиболее частотным среди мотивов, формирующих структуру преданий о силачах, является мотив поднятия и переноски огромных тяжестей. Мельник Никифор из деревни Идрица с легкостью поднимает тяжелый камень, переносит на значительное расстояние железнодорожный рельс, срубленное дерево, житель деревни Идрица Подовинников поднимает на третий этаж по пятьдесят кирпичей, переносит шестиметровое бревно. Особой версией данного мотива является поднятие упавшей лошади.

Герои преданий обнаруживают превосходство в силе по сравнению с тягловым животным, когда впрягаются вместо него в тяжело груженные сани, пользуются такими орудиями труда, которые не может поднять обычный человек, с легкостью сгибают и разгибают подковы. По мысли Н. А. Криничной, неимоверную физическую силу героя предания, которая проявляется в его хозяйственной деятельности, «можно считать развитием и переосмыслением функции "культурного героя", приписываемой мифическому предку» [16, с. 157].

Все отмеченные действия, представляющие собой различные версии мотива проявления необычайной физической силы, позволяют исполнителям создать образ наделенного удивительными способностями человека, в известном смысле представляющего за свою фамилию либо деревню.

В Себежском районе записано и несколько преданий о кладах. Как правило, они повествуют о захоронении клада, имеющего утилитарное значение, бывшими владельцами местности (помещиком или польским паном), священнослужителем или богатым мужиком и о последующих его поисках наследниками или местными жителями. В половине случаев поиски завершаются успехом.

И успех кладоискателей, и формальные особенности рассказа во многом определяется свойствами самого клада. Если предания о реальном кладе обычно представляют собой краткую информацию, то рассказы о кладах «зачарованных» нередко оказываются сюжетно оформленными, в них активно используется художественный арсенал былички. Такие клады понимаются обычно как предназначенные для определенного человека, а потому положенные с произнесением заговора. Так, завершая рассказ о безуспешных поисках клада приехавшей из Польши внучкой жившего здесь когда-то пана, информант из д. Гришино ссылается на поверье о не дающемся в руки или приносящем гибель сокровище, получившие развитие в быличке:

«Клады-то, считается, что они заговорённые, их не так просто взять. Клад не возьмет тот, кому он не предназначен. Если он возьмет, он погибнет сразу, потому что их на чём-то заговаривали, на крови заговаривали» (Зап. от Николая Ивановича Белотелова, 1941(?) г. р., Веры Петровны Белотеловой, 1941(?) г. р., д. Гришино, Себежский р-н Псковская обл. Соб. Д. И. Екимова, О. В. Осипова. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 5, № 42, диск СЕБ 2011-5-8).

Распространено на Псковщине и поверье о том, что клады запрятываются на определенный срок, по истечении которого они сами открываются. Клад, «срок» которого пришел, может явиться человеку во сне: популярный на псковской земле мотив вешего сна встречается и в одном из себежских преданий:

«Этому Валентину приснился сон, что "иди, разбери рей, заваленный камнем и кирпичом; разбери, там будет хромовый сапог, у сапогу золото", вот так. Ну, соснился сон... А клал дед его золото. Дед погиб в войну, вот соснился сон. И пошёл, подобрал – точно: хромовый сапог и золото» (Зап. от Анатолия Сергеевича Кузьмина, 1925 г. р., д. Козлово, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Л. А. Казакова (Юрчук), У. И. Ловыгина, А. И. Бондарева. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 17).

В отличие от былички, в большинстве преданий о кладах сокровища имеют не магическое, а утилитарное значение. Касаясь дальнейшей судьбы клада, исполнители, как правило, отмечают, что нашедший клад построил дом, купил машину, вставил золотые зубы. Очевидно, что с кладом жители края связывали надежды на избавление от нужды.

Составляющие особый цикл и весьма популярные на Руси предания о разбойниках в материалах Себежского района представлены единственной записью, содержательно выпадающей из общего состава псковского «разбойничьего» цикла, но имеющей аналоги в отечественном фольклоре:

«У нас говорили так, что вся эта деревня Ковалёвка занималась во время революции грабежом. Как шёл поезд, останавливался, пассажирское, они приезжали... Тут весь... кое-кого схватили, грабят пассажирский поезд. Кто там в Ковалёвке – до сих пор не знаю, это не при нас было притом... Это так было, к каждому поезду приезжали... <...> Кто чемадан схватил, кто какой узелок...» (Зап. от Сергея Федоровича Филимонова, 1929 г. р., п. Идрица, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Л. А. Казакова (Юрчук), У. И. Ловыгина, А. И. Бондарева. 2011 г. // ФА ПсковГУ, 2011 г., т. 1, № 199, диск СЕБ 2011-1-45).

Разбойниками в этом предании оказывается практически все население деревни, расположенной вдоль железнодорожного пути.

Как в этом, так и в других псковских преданиях разбой осмысливается как совершенно реальное действие, в связи с чем рассказы о нем представляют собой краткую информацию, не расцвеченную художественным вымыслом и не предполагающую сюжетного развешивания.

Предания о борьбе с внешними врагами, каждый раз связанные с конкретными событиями и местностями, в записях фольклорного архива ПсковГУ, напротив, не являются реалистическими повествованиями о прошлом: сюжет, изображающий однотипные ситуации, формируется традиционной системой мотивов и, передаваясь из уст в уста, становится «бродячим». Отмечая и обобщая наиболее типичные обстоятельства и положения, он используется в последующих произведениях, созданных в подобной же обстановке, в связи с чем возникают «общие места», которые, варьируясь, переносятся из предания в предание. В этом отношении интересна та единственная запись, сделанная в 1978 г., которой в материалах Себежского района представлен цикл преданий о внешних врагах:

«В эту легенду все верят. Во время войны помещица Клястицы впустила к себе польское войско, которое напоила. Как только все были напоены, она послала своего человека к русским и подсказала о польском войске. В эту же ночь польское войско было разбито. За это помещице поставили золотой памятник (по решению советского правительства).

И сейчас в деревне Клястицы стоит этот памятник». (Зап. от Ксении Ивановны Игнатович, 1909 г. р., д. Князево, Себежский р-н, Псковская обл. Соб. Н. Долгих. 1978 г. // ФА ПсковГУ, 1978 г., т. 1/1588, № 3).

Предание основано на вымысле. По всей видимости, речь в нем идет о д. Клястицы Россонского района Витебской области, где 18–20 июля (по ст. ст.) 1812 года произошло сражение между русскими войсками корпуса генерала П. Х. Витгенштейна и французскими войсками корпуса маршала Удино, в ходе которого французам было нанесено ощутимое поражение; вследствие этой победы было остановлено наступление войск Наполеона на Псков и Санкт-Петербург. В 1962 г. в центре деревни была установлена стела в честь 150-летия победы русских войск в сражении под Клястицами. Приурочение победы к временам Речи Посполитой – явный анахронизм. Однако предание примечательно разработкой ситуации посредством традиционной системы мотивов, и в частности, такого излюбленного народом мотива, встречающегося еще в преданиях, вошедших в состав Повести временных лет, как избавление от врага посредством ловкости и предприимчивости. Против врага в этом рассказе выступает не войско во главе с полководцем, а ничем не примечательная прежде помещица, сообразительность и смелость которой становятся причиной победы русских. Типичный для преданий о борьбе с внешними врагами образ русского человека воссоздает народные представления о героических защитниках родной земли, воплотивших лучшие качества своего народа.

Таким образом, являясь инструментом «конструирования смыслов, придаваемых ныне существующим реалиям» [17, с. 52], себежские предания сохраняют память народа о прошлом его малой родины. Основанные на многовековой традиции, они отражают различные аспекты социально-общественной жизни и истории коллектива, являя собой устную хронику края, включают в себе характеристику особенностей места, где живет человек, содержат сведения об отдельных фактах культуры Себежской земли, об этническом и социальном составе населения, о военных событиях прошлого. Передавая слушателям берегаемую народной памятью историю своего края, рассказчики невольно склоняются к поэтической интерпретации жизненно-го материала, что сказывается и в манере ведения рассказа, и в подборе традиционных структурных слагаемых.

Список использованных источников

1. Манаков А. Г. Динамика национального состава населения Псковской области с 1959 по 2010 гг. (по итогам переписей) // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Естественные и физико-математические науки. 2013. № 2. С. 132–140.
2. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2-х тт. Т. 2. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002.
3. Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор. Вып. XIII: Русская народная проза. М.–Л., 1972.
4. Криничная Н. А. От составителя // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991. С. 3–9.
5. Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.
6. Соколова В. К. Современное состояние преданий // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 423–437.
7. Васильев В. Ф. Легенды и предания Себежского края. Псков, 1992.
8. Криничная Н. А. Предания Русского Севера: реальность и традиции // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991. С. 10–26.
9. Предания Псковской области 2014 – Предания Псковской области (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л. А. Юрчук. Псков, 2014.
10. Кононов А. А. Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930 – 1960-е гг.) // Псков. 2006. № 24. С. 167–172.
11. Агеева Р. А. Гидронимия Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
12. Манаков А. Г. Псково-новгородская топонимия в свете «теории формантов» (к дискуссии об этнической истории региона) // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 115–134.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980.
14. Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.
15. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
16. Криничная Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.
17. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012.

LEGENDS OF THE SEBEZH REGION (IN MATERIALS OF FOLKLORE ARCHIVES OF PSKOV STATE UNIVERSITY)

L. YURCHUK

In the article based on the material of the legends of folklore archives of Pskov State University (period from 1978 to 2011) an analysis of the legends of the Sebez region. In the course of the study, cycles of Sebez legends were revealed (among them quantitatively prevail the legends about settling and developing the territory, legends about historical figures and strong men), leading motives of legends were identified, including toponymic motifs representing the physical space of the world. The article notes the specifics of the current state of the legends genre in the Sebez region: the reduction of the traditional fund, the dominance of a concrete historical approach to reality, reduction of plots.

Key words: legends, the legends of the settlement and development of the region, toponymic legends, motive, folklore text.

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ПОЛАЦКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ»

**БЕЛАРУСКАЕ ПАДЗВІННЕ:
ВОПЫТ, МЕТОДЫКА І ВЫНІКІ ПАЛЯВЫХ
І МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік артыкулаў
V міжнароднай навуковай канферэнцыі
(Полацк, 15–16 красавіка 2021 г.)

Пад агульнай рэдакцыяй
канд. гіст. навук, дац. А.І. Корсак;
канд. гіст. навук В.У. Чараўко;
канд. гіст. навук, дац. У.Я. Аўсейчыка

Наваполацк
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт
2021

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Рэкамендаваны да выдання саветам гуманітарнага факультэта
Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (пракакол № 3 ад 29.03.2021)

Рэдакцыйная калегія:

А.І. Корсак, канд. гіст. навук, дац. (адк. рэд.), заг. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта;
В.У. Чараўко, канд. гіст. навук, дац. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта;
У.Я. Аўсейчык, канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рэцэнзенты:

С.В. Кулінок, канд. гіст. навук, заг. аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь;
Т.А. Джумантаева, канд. культуралогіі, дац., дырэктар Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.

Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. – 272 с.
ISBN 978-985-531-737-2.

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы па выніках работы V міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў”. Прадстаўлены вынікі антрапалагічных і археалагічных даследаванняў Беларускага Падзвіння і сумежных тэрыторый. Прыведзены новыя даныя аб гістарычных лёсах, матэрыяльнай і духоўнай спадчыне рэгіёна Паўночнай Беларусі ў шырокім храналагічным кантэксте (ад першабытных часоў да сучаснасці).

Разлічаны на прафесійных гісторыкаў, археолагаў, этнолагаў, антраполагаў, мастацтвазнаўцаў, студэнтаў гістарычных спецыяльнасцей ВНУ, кразнаўцаў і ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСКАЕ ПАДЗВІННЕ:
ВОПЫТ, МЕТОДЫКА і ВЫНІКІ ПАЛЯВЫХ
і МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік артыкулаў
V міжнароднай навуковай канферэнцыі
(Полацк, 15–16 красавіка 2021 г.)

Адказны рэдактар *А. І. Корсак*

Тэхнічнае рэдагаванне і камп'ютарная вёрстка
І. М. Чапкевіч
Дызайн вокладкі *М. С. Мухаморавай*

Падпісана да друку 20.05.2021. Фармат 60×84 ¹/₈. Бумага афсетная. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 31,63. Улік.-выд. арк. 32,96. Тыраж 70 экз. Заказ 810.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі
выдаўца, вырабніка, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/305 ад 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 ад 08.05.2014.

Вул. Блахіна, 29, 211440, г. Наваполацк.